

**И. Дежина, заведующая сектором экономики науки и инноваций
Института мировой экономики и международных отношений РАН,
руководитель группы по научной и промышленной политике
Сколковского Института науки и технологий:**

«Главное в инновационной системе – именно ее наличие, то есть взаимосвязь элементов. А в России...большинство элементов есть, но они слабо связаны между собой – либо вообще не связаны. Вы, наверное, знакомы с “тройной спиралью” – одним из направлений развития теории инновационных систем. Оно описывает динамику взаимоотношений государства, науки (в оригинале – университетов, то есть одновременно и науки, и образования) и бизнеса – трех основных факторов инновационной системы. Они не только взаимодействуют, причем по горизонтали (нет ведущей роли государства), но еще и заимствуют функции друг друга, то есть бизнес начинает уделять больше внимания образованию, университеты – предпринимательству, включаясь в разную инновационную активность, в том числе создавая малые компании. Государство, в свою очередь, все больше стремится использовать инструменты государственно-частного партнерства.

Все эти изменения – признаки выстраивания более тесных взаимосвязей при обязательном участии посредников, множества мелких агентов. Это не только малый бизнес, но и различные консалтинговые, сервисные службы, инжиниринговые центры, технопарки. То есть взаимодействия факторов разнообразны и происходят по самым разным направлениям и на разных этапах.

В России трудно как установить связи, так и найти квалифицированных мелких агентов. Для решения этих проблем уже разработано и принято немало документов, однако практическая отдача от них пока невелика. В стратегиях можно найти все нужные и верные слова – это объемные и достаточно эклектичные описания различных намерений и мероприятий, между которыми не всегда есть логическая связь. По крайней мере, это касается науки и инноваций, которые я отслеживаю. Например, не всегда понятно, как способствовать ненасильственному развитию связей между наукой и бизнесом, как одни меры «принуждения» к инновациям повлияют на другие параметры в области науки и инновационной деятельности. Конечно, все предусмотреть невозможно, поэтому для своевременной коррекции в мировой практике большое внимание уделяется мониторингу и оценке. В таких условиях связи и появляются, и развиваются. Однако, говоря о заимствованиях, именно при подготовке стратегий зарубежный опыт почти не учитывается. Например, в принятой в феврале 2011 г. стратегии для

американских инноваций всего 30 страниц, но приоритеты, цели и средства, в ней заявленные, ясны и понятны.

Наконец, с темой развития взаимосвязей перекликается одна из популярных в правительственных структурах идей последних лет, суть которой в том, что каждый этап инновационного развития (фундаментальных и прикладных исследований, разработок, коммерциализации) должны поддерживать институты и организации. Таким образом, проект, идея последовательно подхватываются и ведутся от начала и до конца. В основе такой концепции лежит линейная модель инновационного развития.

...Новая идея может возникнуть на любой стадии так называемого инновационного цикла. Например, при изготовлении опытного образца или развертывании серийного производства. Нелинейность проявляется и в том, что фундаментальные исследования совсем не обязательно ведут к прикладным результатам.

Возвращаясь к теме состояния российской инновационной системы, ее можно сравнить с долгостроем, когда вроде постоянно строили, но так и не достроили. Дом есть, но жить в нем трудно, потому что крыша не доделана или еще что-то не учтено. Это результат долго продолжавшейся политики правительства, когда начинали какую-то инициативу, но вскоре остывали и бросали ее. Вспомните, было движение за создание в университетах и регионах центров трансфера. Проект поддерживали года три, а потом перестали. Похожая ситуация была с технопарками и IT-парками, с технико-внедренческими зонами (к 2010 г. должны были появиться ощутимые результаты от деятельности зон, а есть ли они?). Более свежие примеры – пристальное внимание к технологическим платформам в 2010–2011 гг. и резкий переход к инвестициям в инновационные кластеры в 2012 г. Получается, что инновационная политика как мода – актуальна пару лет. Между тем реального эффекта от принятых мер следует ожидать не раньше чем через пять-семь лет после начала их действия. Долгосрочные инициативы у нас редкость, поэтому многие проекты в итоге остаются незавершенными. Если обратиться к западному опыту, то там, например, период поддержки инфраструктурных проектов составляет около 10-ти лет. Потом можно претендовать на помощь государства, но получить ее будет сложнее.

...Я думаю, формализация стала следствием попытки правительства найти выход из неблагоприятной ситуации, а также навести порядок. Она создает видимость объективного подхода и оценки, что, по идее, может смягчить такие характеристики нашей системы, как коррупция, nepotизм и т. д. Количественные показатели делают картину отчасти более объективной и

беспристрастной и, казалось бы, позволяют принимать верные решения. Однако в науке опираться только на количественные показатели опасно – они не учитывают многих важных нюансов, игнорирование которых может примитивизировать ситуацию. Именно поэтому во всем мире при оценке состояния науки, мер научной политики, научных организаций, а также ученых и научных проектов и так далее обязательно участие, в той или иной форме, экспертов. Например, в Национальном научном фонде США результативность центров вроде наших центров коллективного пользования оборудованием оценивается группой экспертов. При этом такие количественные параметры, как число научных групп из разных областей знаний, работающих совместно, число и качество научных публикаций, принимаются во внимание, но анализируются неформально. Эксперты рассматривают публикации, соотнося их с состоянием области знаний, в которой работает центр. Например, ученые, работающие в центре, специализирующемся в очень узкой области, публикуются в узкопрофильных журналах с невысоким импакт-фактором, но если уровень публикаций высок, то центр получает поддержку наряду с мощными междисциплинарными центрами. Это называется гибкость, диверсифицированный подход в инновационной политике.

...Мы действительно несколько идеализируем зарубежный опыт. Наверное, из-за неглубокого знания. В работах зарубежных специалистов можно найти критику действующих моделей и того, что происходит в их инновационной сфере. Конечно, желательно оценивать плюсы и минусы зарубежного подхода, с чем они связаны, есть ли у нас условия для воспроизводства этого опыта. Например, недавно анализ, проведенный Национальным исследовательским советом при Национальной академии наук США, показал, что американские исследовательские университеты недостаточно “исследовательские”. По мнению американских экспертов, наступил кризис и надо принимать меры. Даны также 10 четких рекомендаций, какое влияние и как именно эти меры окажут на другие области госрегулирования. Кстати, в отличие от отечественных стратегий с бесчисленным количеством не совсем ясных рекомендаций здесь их всего 10. При этом дана оценка не только внутренних (внутри системы университетов) последствий предлагаемых мер, но и внешних (для соседних с наукой сфер). Заимствуя зарубежный опыт, мы прежде всего обращаем внимание на некоторые базовые идеи и принципы, но не учитываем эволюцию, которую прошла заимствуемая модель» *(Механик А. Системные иллюзии // Российская академия наук (<http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=91251f41-2953-4c7f-8dab-d674cf8e21d6>). – 2013. – 1.04).*